

ТУРБОВСКОЙ Яков Семёнович
Институт стратегии развития образования
Российской академии образования,
Москва, Россия.

А. И. ПИСКУНОВ – ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ПЕДАГОГ

Если ты даже очень молод, ты все равно не можешь не замечать (правда, если обратишь на это внимание), что в твоей жизни были разные люди. И одни оказывали на тебя влияние, а другие – никакого. Слова и поступки одних запечатлевались в твоей душе и памяти, а другие проходили незамеченными, не оставляя следа.

Но почему-то были такие люди, каждая встреча с которыми запоминалась и не оставалась незамеченной. И даже когда эти люди уходят из жизни, ты так или иначе обращаешься к своей памяти, и не для того, чтобы вспомнить о них, а потому, что их слова и поступки помогают понять происходящее сегодня на твоих глазах и в твоей жизни.

Именно таким человеком, с которым я не был особенно дружен, является Алексей Иванович Пискунов, поступки которого позволяют многое понять и наполнить особым смыслом сегодняшние происходящие с нами события. И, наверное, главное, что его слова и поступки, не до конца понятые мной тогда, когда они имели место, сегодня раскрывают для меня свой истинный глубокий смысл. Мы, к сожалению, очень поздно начинаем понимать, насколько мы не умеем распознавать и ценить всё то, что отличается от нас. Это неумение часто не позволяет нам по-настоящему понять даже самых близких людей.

Когда я, будучи преподавателем педагогического ВУЗа, попросил своих студентов написать характеристику на самого близкого человека, выяснилась печальная истина: описывая своё впечатление о человеке мы потом даже не можем обосновать, почему мы так, а не иначе думаем о нём, как его оцениваем. И только через много лет мы оказываемся способными по-настоящему (правда если стараться вспоминать) понять, как много мы потеряли, не сближаясь с ним. И именно таким человеком является Алексей Иванович Пискунов, поступки которого во многом отличались от поступков находящихся рядом людей, но которые запечатлевались в тебе, и благодаря им ты можешь сегодня продолжать жить, наполнять смыслом слова, употребляемые не только тобой, но и другими людьми.

Судите сами, ибо то, что я сейчас расскажу об Алексее Ивановиче, позволяет разобраться в тех смысловых значениях, которые особенно важны не только для нас, но и для будущего нашей страны и нашего народа, да и, наверное, не только нашего, а вообще, для каждого человека.

С Алексеем Ивановичем Пискуновым я впервые встретился, даже не зная, с кем я встречаюсь. Было это во время вступительного экзамена в аспирантуру, когда я, молодой, самолюбивый провинциальный учитель, оказался в аудитории, где сдавали вступительный экзамен по педагогике, а экзаменатором, как потом оказалось, был Алексей Иванович.

Не передать, как же мне, учителю, привыкшему, что его слушают, было обидно сдавать этот проклятый экзамен человеку, который не только равнодушно, а в открытую не замечая меня, формально участвовал в этой мучительной процедуре, называемой «экзамен». Я не мог не понимать, как ему надоело часами выслушивать наши ответы, но было крайне неприятно, что он не скрывал равнодушия и просто ждал, когда поток моих слов закончится, чтобы поставить мне оценку. Но когда я вдруг сказал, что Роберт Оуэн, создавший Нью-Ланарк, не был утопистом, произошло неожиданное: мой экзаменатор встрепенулся и, не скрывая издевательской интонации, произнес: «Да-а?.. Вы так думаете?». Почувствовав, что он из экзаменатора превратился в собеседника, я самоуверенно стал ему объяснять, что «утопист» — это просто оценка идеи, отстаиваемой Оуэном, и неизвестно, воплотится она в жизнь или нет, эта идея, и тогда сказанное Оуэном может стать когда-либо реальностью и перестанет быть утопией. И вот уже мы с Алексеем Ивановичем Пискуновым вместе стали обсуждать суть опыта, реализованного Оуэном в Нью-Ланарке. На прощание, ничего не говоря мне об оценке, он сказал: «Любопытно, надо будет подумать над тем, что мы с Вами обсуждали».

Через несколько месяцев, став аспирантом этого института, я уже по-другому отнесся к имени и фамилии «Алексей Иванович Пискунов», узнав, что мой экзаменатор — это крупнейший историк педагогики, пользующийся огромным авторитетом среди известных в то время историков. Но, так как меня не очень интересовали проблемы истории педагогики, особенно Западной, а интересовали проблемы воспитания, то с Алексеем Ивановичем я близко не соприкасался. Он никогда активно не выступал на ученых советах, не пытался по каждому вопросу высказывать свое мнение, поэтому и в общении он не входил в число тех людей, с которыми я сближался по исследуемой проблематике. Да и вообще история педагогики мне, как бывшему философу, не представлялась особенно интересной потому, что сами историки считали себя специалистами не по развитию общественной мысли, а по изучению педагогического опыта прошлого. А мои руководители — Болдырев Николай Иванович, Есипов Борис Петрович, Данилов Михаил Александрович, и конечно, Королев Петр Филиппович, в первую очередь, считали необходимым решать проблему настоящего, опираясь на основы марксизма-ленинизма.

Алексей Иванович Пискунов марксизмом-ленинизмом не интересовался и не скрывал этого, занимаясь исключительно изучением «истории педагогики». Кстати, став научным руководителем «Методологического семинара» при Президиуме АПН СССР, которым до этого многие годы руководил Михаил Николаевич Скаткин, я узнал, что 70-80 процентов диссертационных исследований, защищенных в 40-50-е годы прошлого столетия, было посвящено проблеме истории педагогики, а не проблемам учения и воспитания в современных условиях. Но, установив этот факт как констатацию, я не находил и даже не пытался дать ему объяснение. Лишь много позже, как мне кажется, я понял, почему была такая диспропорция между этими исследованиями. А уже потом, через несколько лет, напрямую соприкоснувшись с Алексеем

Ивановичем Пискуновым, ставшим директором нашего института, я получил возможность узнать его лично как человека.

И тогда же, из разговоров о нем я узнал некоторые факты его жизни, которые раскрывали, что такое Алексей Иванович Пискунов как человек и ученый. К примеру, я узнал, что он по поручению Президиума АПН СССР готовил доклад для Президента Академии Ивана Андреевича Каирова. Каиров с ним публично выступил и посчитал возможным опубликовать этот текст под своей фамилией в печати. Но Алексей Иванович Пискунов, считая, что доклад подготовил он, а И. А. Каиров просто его прочитал, посчитал необходимым и возможным опубликовать текст этого доклада как свою статью в журнале «Народное образование». И получился скандал, я правда не знаю, как из него вышли его участники. Но сам этот факт не мог не выделить Алексея Ивановича Пискунова из той среды, в которой он находился, по крайней мере, в моём сознании.

Затем уже были те или иные факты, связанные с Алексеем Ивановичем Пискуновым, так или иначе касавшиеся меня, тридцатидвухлетнего кандидата педагогических наук, которого именно он назначил заведующим лабораторией «Методологии педагогической науки», в состав которой входили Николай Иванович Болдырев, Виктор Ефимович Гмурман, Михаил Александрович Данилов, Борис Львович Вульфсон, Татьяна Федоровна Яркина, Геннадий Васильевич Воробьев и многие другие известные педагоги. Не стану отрицать, что вопрос о моём назначении решался не только А. И. Пискуновым, но и Н. И. Болдыревым, который и рекомендовал ему назначить меня на эту должность.

Став заведующим лабораторией, я так или иначе соприкасался с Алексеем Ивановичем как директором института, и не мог не видеть, как он строил свои отношения с сотрудниками, со своими заместителями, насколько он бывал иногда бестактен, а в ряде случаев просто жесток по отношению к некоторым из них, и насколько слово «тактичность» и «любезность» особенно со своими заместителями мало характеризовали стиль его общения. Но в то же самое время я узнал и другое – что директора нашего института Алексея Ивановича Пискунова назначают и членом Президиума, и руководителем отделения Президиума, которому наш институт подчинялся. И так продолжалось даже тогда, когда новым Президентом Академии педагогических наук стал Всеволод Николаевич Столетов, хорошо известный стране генетик, биолог, борец с любыми отклонениями от идей марксизма-ленинизма.

Всеволод Николаевич не был просто назначенным Президентом, который формально бы исполнял свои обязанности, а был человеком дела, ощущавшим свою личную ответственность за то, что происходит в государстве, и который видел свою предназначенность в коренном изменении отношений между Президиумом Академии педагогической науки и школой. Его не устраивала та ситуация, которая сложилась в стране, когда педагогическая наука занималась своим предметом, отдавая школе то, что она могла отдать, что готова была отдать. Он считал необходимым резко усилить влияние научных работников на то, что происходило в школе и со страной. И поэтому, исходя из общей ситуации, он посчитал возможным и нужным носителей передового опыта, известных в

стране учителей сделать не только авторитетными в научном мире, но и теми людьми, которые должны научить ученых как нужно строить в школе преподавательскую деятельность, учить и воспитывать детей. Известные учителя стали привлекаться В. Н. Столетовым не только для того, чтобы ознакомить со своим опытом ученых Академии, но и в роли учителей, которые должны были научить этих «заевшихся» буквоедов живому творческому делу под названием «педагогика».

Я тогда ещё не понимал, даже будучи заведующим лабораторией, что конфликт между В. Н. Столетовым и А. И. Пискуновым неизбежен. Мне вообще казалось, что это не мои вопросы, и в мою компетенцию не входит задумываться над ними. Что они там наверху думают – это их дело, моё же дело – заниматься моими исследованиями. И я не видел ничего особенного в том, что В. Н. Столетов создал особую службу при Президиуме, которая должна была осуществлять контролируемую функцию по отношению ко всем своим заместителям, включая руководителей научных отделений. Но не так думал А. И. Пискунов. И когда такой вновь назначенный руководитель этой службы пришел к нему и попросил отчитаться о сделанном и о планах, Пискунов сказал ему спокойно: «А вы кто такой?». На что этот человек, фамилии которого я не помню, ответил: «Я назначен Президентом Академии В. Н. Столетовым руководителем контролирующего органа, который должен осуществлять надзор за деятельностью всех отделений Президиума». И хотя я точно не знаю, что они говорили друг другу, но я хорошо представляю себе надменное лицо А. И. Пискунова, который говорит ему: «Значит, вы не академик, не ученый, и пришли меня контролировать? Тогда передайте Президенту, что, если он хочет меня о чем-либо спросить, я готов ответить на все его вопросы, или даже поручу подготовить ответ в письменном виде. Но вы для меня никто». Конфликт привел к тому, что Алексей Иванович Пискунов перестал быть руководителем отделения Президиума, а остался только директором нашего института. Проще говоря, «двум медведям не хватило места в одной берлоге».

Наша институтская жизнь со всеми её перипетиями и со сложностями продолжалась, и я все больше узнавал А. И. Пискунова как человека. И вынужден признать, что не мог не ощущать его удивительно доброго уважительного отношения к себе, хотя я в те годы не мог вызывать у исследователя А. И. Пискунова серьезного уважения. Но факт остается фактом – ко мне он относился по-доброму. Я никогда от него не слышал ни грубых, ни резких высказываний в свой адрес, хотя и не слышал особых слов одобрения. Не критиковал в своей жёсткой и очень ехидной манере, и за то, как говорится, спасибо.

Но вдруг ночью раздался его звонок. Алексей Иванович мне сказал: «С завтрашнего дня в вашу лабораторию приходит человек, который назначен руководителем лабораторией вместо вас указом Президента АПН СССР, и я не могу не выполнить этого приказа. Так что прошу вас меня извинить». На что я ему сказал: «Ну, что вы, Алексей Иванович, не расстраивайтесь, пусть будет, как будет», и положил трубку. На следующий день в лабораторию никто не пришел, никто не пришел ни через неделю, ни через месяц, но через месяц он вызвал меня

к себе и задал вопрос: «Почему вы меня не спрашиваете, где человек, назначенный на вашу должность, а продолжаете работать, как будто ничего не изменилось?». На что я ответил: «Зачем же я буду вас спрашивать, когда вы мне сами ничего не говорите. Я за своё место не держусь. Я думал, что, если вы посчитаете нужным, вы мне сами объясните, что произошло». Алексей Иванович неожиданно для меня очень по-доброму улыбнулся и сказал: «Я с вами согласен. Вы, наверное, правы, но произошло вот что. Когда утром раздался звонок того, кто должен был прийти на ваше место, я ему сказал: «Конечно, вы вправе занять эту должность, и полученный вами приказ подтверждает это, но я очень плохо понимаю, как мы с вами сработаемся, если вы назначены без согласования со мной через мою голову», и он положил трубку, так что я тоже не знаю, и у В. Н. Столетова тоже не буду спрашивать, что произошло, как и вы у меня». И на этом мы с ним расстались и продолжали совместно работать.

Позже я узнал о том, что состоялся тяжёлый разговор между А. И. Пискуновым и В. Н. Столетовым, который позволил себе упрекнуть Алексея Ивановича в том, что он третий раз женится. На что Пискунов ему ответил (замечу, что говорю я вам это не для того, чтобы отметить пикантную подробность, а для того, чтобы дополнить очень важным штрихом, что такое Алексей Иванович Пискунов как личность): «Я не понимаю, Всеволод Николаевич, почему вы позволили себе задать такой бестактный вопрос. Но, коль скоро вы его задали, я вам отвечу – я из тех мужчин, которые женятся по любви, а не просто воплощают в жизнь свои природные рефлексy. И жить с женщиной без любви я считаю безнравственно. Не знаю, как вы решаете свои мужские проблемы, но я только с этих позиций. А что вы и другие думаете по этому поводу – мне всё равно».

Мне бы очень хотелось, чтобы вы, читающие эти строки, сумели понять, что и кому говорил Алексей Иванович Пискунов. Ибо Всеволод Николаевич Столетов – это была огромная политическая сила в государстве. И А. И. Пискунов не позволял никому, в том числе грозному В. Н. Столетову, не считаться с его чувством собственного достоинства. И именно таким он мне представлялся с позиций наших с ним официальных отношений. Но я видел и знал, что с другими людьми у него есть и другие отношения.

В частности, с Днепровым Эдуардом Дмитриевичем, будущим министром образования России. Я был свидетелем того, как Пискунов, будучи не очень-то доверчивым человеком, подписал чистую бумагу, которую протянул ему Э. Д. Днепров, на которой не было никакого текста. Я и предположить не мог, что у Алексея Ивановича Пискунова могут быть такие отношения с людьми, и о чем мы впоследствии, когда Алексей Иванович уже ушел на пенсию, неоднократно с ним говорили. Но тогда, когда эта чистая бумага подписывалась Алексеем Ивановичем, я не поверил, что это вообще возможно.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что есть люди, для которых этот, образно говоря, «застёгнутый на все пуговицы человек» является Алёшкой, самым близким и дорогим другом, который всё поймёт, и которого не нужно дважды просить прийти на помощь. Услышал я это от Ольги Сергеевны Богдановой, Марины Владимировны Порхуновой и Клары Николаевны

Болдыревой, с которыми он вместе учился и для которых он был ближайшим другом и палочкой-выручалочкой в жизни, и о котором они не могли говорить без восторга.

Поверьте мне, обращаюсь я к читателям этой статьи, я бы её не написал только потому, что наступает 100-летний юбилей Алексея Ивановича. И без меня найдётся множество близких ему людей, с которыми он был совсем в других отношениях, которые любят его, знают его и не могут забыть. Я же считаю необходимым обратиться к памяти о нём потому, что именно он, как очень немногие встречавшиеся мне в жизни люди, позволяет многое понять из того, что происходило в то время, которое называется «советским», понять, какими были эти годы. Мне кажется, сегодня это необходимо каждому, кто хочет понять, что собой представляли те люди и что собой представлял семидесятилетний период в жизни народа, полностью отражаемый в слове «советский». Мне бы очень хотелось, чтобы через поступки Алексея Ивановича могли отразиться те ценности, которыми руководствовались люди в то сложное и чрезвычайно жесткое время.

«Советское» не значит одинаковое, шаблонное, унижающее достоинство каждого человека. Были люди, которые как флюгера двигались в ту сторону, куда дует ветер, и которые строили свои отношения через приспособленчество и подхалимство. Были те, кто считал, что «моя хата с краю». Но были и другие люди, чьё достоинство, самоуважение, глубокие знания не позволяли бездумно подчиняться любым ветрам современности. Были люди, чьё достоинство определялось не только их национальностью, культурой и знаниями, но и именем и фамилией, и которые никогда не говорили «мы», а всегда говорили «я», но не в том примитивном смысле, как это делается сегодня для повышения своего рейтинга, а наоборот, уходя от какой бы то ни было рейтинговой оценки своих поступков, а считая себя ответственными и за свои поступки, и за ту культуру и ту нацию, которой они принадлежали, которая их формировала. Поэтому такие люди как Алексей Иванович Пискунов никогда не позволяли себе пользоваться заслугами других людей и присваивать себе их заслуги. Он считал себя русским ученым не потому, что он родился в русской семье, а потому, что он лично как учёный состоялся, доказывая тем самым, чего может добиться русский учёный. Ему не нужна была для этого оценка других людей, особенно тех, которые с его точки зрения его уважения не заслуживали. Он ничего не продавал, не рекламировал свои товары, ему не нужна была популярность. Только самоуважение и чувство собственного достоинства, основанные на собственном труде и поведении, были значимыми критериями для самооценки человека.

В условиях, когда приспособленчество, политиканство, лживая преданность идеологии могут быть критериями, позволяющими оценивать человека, такие люди во все времена, включая и советское, были соединительными звеньями между прошлым, настоящим и будущим народа, сыном которого ты являешься. И поэтому верность дружбе, поддержка нуждающегося, полная откровенность в дружеских отношениях между близкими людьми это одно, а официальные отношения и ответственность –

совсем другое. Но и в том, и в другом случае человек и каждое произнесенное им слово, каждый поступок и каждое принимаемое решение не могут не соответствовать критерию, с позиции которого оценивается всё, что делает и чем живёт человек – самоуважения, чувства собственного достоинства, ответственностью перед людьми, которые породили тебя, и, конечно, перед народом, культурой которого ты воспитывался и обрёл это достоинство и самоуважение.

Мне хочется верить, что жизнь Алексея Ивановича Пискунова не как героя, а как неизвестной миру личности отразила многообразие, нравственную сторону времени, называемого «советским». И вот эта неодинаковость поведения людей должна в современных условиях определять не только наше отношение к прошлому, но и влиять на наш выбор позиций и отстаиваемого мира ценностей.

Помнить о том, что были в советское время такие люди как Алексей Иванович Пискунов, значит понимать, что это время – суровое, трудное, тяжкое и жестокое – характеризуется реальным существованием тех людей, которые несмотря ни на что жили, мыслили и поступали только так, как считали нужным, отстаивая то, что дорого им, и ни при каких условиях не поступаясь своим достоинством и самоуважением. И чтобы в этом мире ни происходило, какие бы ни наступили времена и какие политические режимы ни действовали бы, эти принципы, определявшие всю жизнь Алексея Ивановича Пискунова, известного историка педагогики, были и будут определяющими основами социального бытия каждого человека, естественно достойного уважения и признания со стороны своего народа.

Я хочу думать, что приведённые мною факты из биографии Алексея Ивановича Пискунова никого не оставят равнодушными. Многие остались недосказанным неосмысленным до конца. И не вами, читателями, а мною, автором статьи. Ибо я не ответил на самый главный вопрос, наверное, потому, что я не знаю на него ответа по сей день, а могу только догадываться. Почему Иванович Пискунов стал именно таким человеком? Что побуждало его вопреки реальным обстоятельствам и даже всему жизненному укладу страны поступать именно так, а не иначе? Я не считаю, что сама биография человека, формально изложенная, является доказательством и определяющим фактором его человеческой сущности, поэтому я попытаюсь сформулировать свое понимание ответа на этот вопрос.

Мне кажется, что прямое отношение к моим размышлениям имеют два моих воспоминания. Первое – это высказывание моего научного руководителя Николая Ивановича Болдырева, который почти никогда не объяснял мне в наших многочисленных беседах того, что с ним происходило, и почему он выбрал такой жизненный путь, а не другой. Как-то я спросил его: «Почему вы, Николай Иванович, вернувшись в Москву с фронта и став заведующим отделом ЦК партии, перешли на работу в районный Дворец пионеров, или это Вас, грубо говоря, уволили?» Он, задумавшись, мне ответил: «Я это сделал потому, что понял – кто остается «наверху», того убирают, физически убирают». А второе воспоминание, связанное с Алексеем Ивановичем Пискуновым, – это

преобладающая доля исторических исследований над исследованиями, посвященными теории воспитания, о чём я выше уже говорил. Не зная на самом деле, почему Алексей Иванович избрал судьбу историка педагогики, я исхожу из того, что сделал он это потому же, что и другие – уход в историю позволял в те годы без какого-либо политиканства, лицемерия и стремления, как говорится, бежать впереди паровоза, вырваться из этой страшной воронки политической зависимости. Мы обязаны знать нашу историю, утверждал историк, и эта непробиваемая никакой демагогией позиция позволяла каждому порядочному человеку не лгать, не лукавить, не прислуживать, а действительно развивать то знание, которое нужно обществу и своему народу. Сейчас, конечно, современному молодому человеку несмотря на то, что происходит у нас в стране, даже трудно себе представить, что творилось в жизни тех людей, кому довелось начать взрослую жизнь в страшные 30-е, 40-е и 50-е годы советской власти. И вот в этих условиях молодому Алексею Пискунову пришлось выбирать – кем быть и что делать, и он выбрал «историю» как предмет обретения цели своей жизни.

В моей примитивной внутренней классификации историки делятся на пять видов. «Чистые» историки, занимающиеся поиском документов, следов прошлого, археологическими раскопками. Это первая группа. Вторая группа – это те, кого интересует, что было в той области знаний, которая стала предметом твоей профессиональной деятельности, какие документы, работы тех или иных мыслителей, касаются разных сторон объекта этого изучения. Третья группа – это те, которые считают, что нужно изучать историю разных педагогов, представителей разных стран, а не только России, и что несомненно служит развитию отечественной науки и без чего она развиваться не может. Четвертая группа – это те люди, которые считают, что знание истории служит решению современных проблем в жизни народа, и поэтому может предупредить и уберечь от ошибок. И если не знать того, что накоплено опытом развития образования, то можно зайти в тупик. И есть пятая группа историков, которых я называю «политиканствующими». Это те, кто считает, что история не только ориентир для нашего устремления в будущее, но и методологическая основа для принятия любых решений в образовании и создания программ, идеологически обусловленных нашим прошлым и тем самым обеспечивающих будущее великой России, ее историческую конкурентоспособность. И как мне представляется, в современных условиях есть не меньшее количество таких «историков», которые пытаются подменить научные исследования, направленные на познание закономерностей развития сущего, на повторение пройденного как основы управления развитием государства и образования.

И поэтому, пытаясь найти ответ на поставленный мною вопрос «почему Алексей Иванович стал таким человеком?», думаю, что у нас есть основания утверждать, что не только Алексей Иванович Пискунов, лишенный какого-либо политиканства, внёс свой вклад в развитие истории, но и сама история одарила его пониманием возможности проникновения в то, что было и есть как результат активной мыслительной деятельности познающего человека, а не прямого отражения происходивших событий и имевших в жизни места фактов.

И такое понимание не каждому дается даже сегодня, ибо развитие жизни и реальной действительности не только не совпадает с развитием науки, постигающей любые проявления этой жизни, а зачастую даже тормозит её и мешает её развитию. Хотя именно жизнь и её будущее напрямую зависит в первую очередь от открытий самой науки. И рассматривать потребность реальной действительности как критериальную основу оценки педагогической науки, её состоятельности и выполнения своей опережающей функции не только не продуктивно, но и недопустимо. Хотя мы буквально на каждом шагу именно так и поступаем, как бы не замечая, что придумать открытия в педагогической науке невозможно.

Ибо, как известно, есть три вида педагогических открытий, связанных с реальной действительностью: исследование, направленное на совершенствование того, что есть; преобразование того, что есть; и моделирование как свободная игра, догадки, интуиция, воображение и другие проявления человеческого ума. И поэтому если первое целиком зависит от самих участников учебно-воспитательного процесса и направлено на устранение тех или иных недостатков в виде идей и предложений, способствующих улучшению деятельности того или иного звена, принятию более эффективных управленческих решений, то вторые выходят далеко за пределы управления системой образования и воплощаются уже в другой фразе – **«управление развитием образования»**, представляя собой не только комплексную проблему, но и проектное осмысление необходимых условий, без которых этот проект не может быть осуществлен. Что касается, естественно, любого проекта, выходящего за пределы ведомственных возможностей самой системы образования, требуя для этого включения всех государственных структур даже на законодательном уровне. А третье, касающееся моделирования научного знания, вообще носит вневременной характер и должно входить в арсенал идей и знаний, которые государство может использовать при наличии необходимых для этого условий. И в этой связи такие идеи, как идеи, например, Н. И. Лобачевского («геометрия Лобачевского») и К. Э. Циолковского («физика Циолковского»), будучи созданными на основе гениальности каждого из этих ученых, не могли быть воплощены в жизнь в тех условиях и в то время, когда они создавались. И Алексей Иванович Пискунов, не вдаваясь в методологические подробности такого дифференцированного подхода к анализу знания, понял самое главное – что только мысль, постигшая закономерности, на которых основываются проявления жизнедеятельности человеческого сообщества¹, и не тождественная самому изучаемому действию или поступку, а действительно проникающая в закономерности его обусловленности, является проявлением научной истории, принципиально отличной от поверхностного отношения к ней. И значит, научная история педагогики не может порой не вызывать негативного отношения к своим утверждениям и выводам, не сводимым к здравому смыслу.

---

¹ что полностью соответствует высказыванию великого отечественного ученого К. Д. Ушинского – «обобщение опыта есть мысль, лежащая в его основе».

За известными словами о сопротивлении старого всему новому скрывается именно это противоречие. И значит, без научной принципиальности, без умения сказать «нет», не только результат не может быть достигнут, но и наука не может развиваться. Выходит, принципиальность учёного – не просто нравственное требование, что само по себе чрезвычайно важно, а фундаментальная основа развития самой науки, субъектом которой является каждый учёный, ведь научные знания создаются людьми, а не самими теориями, уже существующими. И именно поэтому, как я понимаю, Алексей Иванович считал для себя необходимым исходить из тех принципов, которые единственно способствовали развитию самой науки, служению которой он, как ученый посвящал свою жизнь. И здесь без характера, воли, мужества, принципиальности, ни одному учёному не обойтись.

И, следовательно, я думаю, что Алексей Иванович, выбрав историю как средство своей самореализации, сумел решить проблему своей профессиональной судьбы в те тяжкие времена. Но в то же время он сумел понять принципиальное отличие научного познания от примитивного политиканства и приспособленчества, сумел понять, что принципиальность учёного, его способность отстаивать свои позиции в реальной действительности является не столько нравственной характеристикой человека, сколько фундаментальной основой развития самой науки, которая без этой принципиальности развиваться не может.

И поэтому Алексей Иванович Пискунов, исходя из такого понимания, предъявлял к себе такие требования и так выстраивал отношения в своей профессиональной и личной жизни. И значит из тех примеров, которые я привел в своей статье о его поступках, мы можем извлечь и такой вывод: личное достоинство ученого, его самоуважение и принципиальность являются не только и не столько характеристикой самого человека, сколько фундаментальной основой самой науки, и создания той нравственной атмосферы, без которой наука развиваться не может. И именно поэтому он требовал от себя осознания необходимости стать в один ряд с теми педагогами, чьи труды он изучал и считал необходимым донести до всех будущих учителей. Именно в этом он видел возможность объединения творческих усилий тех, кто создавал педагогическую науку до него и собою, который эту миссию исполнял в настоящем.

Именно Алексей Иванович Пискунов как страстный, живой, думающий человек не просто пытался воспроизвести то, что создали эти люди, а протянуть эту ниточку, связывающую их исследовательский поиск со своими познавательными усилиями, и видел в этом свою личную ответственность за все происходящее в педагогической науке. И понимал при этом, что служит он не тем или иным людям, а только тому, что определяет смысл его жизни и служит своему народу, его будущему – отечественному образованию.

Если с моей трактовкой согласиться, то каждый из приведенных мною фактов биографии Алексея Ивановича очень точно укладывается в это объяснение, что и позволяет каждому из нас, читая разные книжки, оказываясь в разных условиях, будучи поставленными перед выбором принимать решения и совершать поступки, сделать свой выбор, когда речь идет о науке. И жизнь

Алексея Ивановича Пискунова, посвященная педагогике, и занимаемая им в реальной действительности позиция мужчины, учителя, учёного, гражданина, может стать если не прямым примером, то, по крайней мере, предметом всеобщих размышлений.

Огромный отряд учеников Алексея Ивановича Пискунова не забывает о нём, продолжает видеть в нём пример, которому надлежит следовать, стремится так или иначе воплощать в своей жизни его заветы, не говоря уже о работах самого А. И. Пискунова, которые продолжают издаваться и служить основой современного образования, – всё это является неопровержимым доказательством того, что честь человека, самоуважение человека, его личное достоинство не просто характеристики интеллигентного человека, а фундаментальная основа бытия и будущего человечества, если оно хочет сохранить свой гуманистический образ.

И получается, что Алексей Иванович Пискунов жил как бы в двух средах. Одной – социальной, где надо было бороться, отстаивать свою позицию, продуктивность своих идей и своих взглядов и быть, как говорят «застегнутым на все пуговицы». И второй, где можно было расслабиться, находясь среди близких и дорогих тебе людей, и наслаждаться общением, доверием, общими интересами, не беспокоясь о своей личной безопасности. И если прибегнуть к образному сравнению, то Алексей Иванович понял в своей жизни, что от него не зависит – быть ли осени или зиме. В социальных отношениях и реальной действительности есть то, что не зависит от человека, и он вынужден жить по определенным правилам, которые действуют в современных условиях. И есть совсем другая среда, которая является его жизненным пространством, которое позволяет уважающему себя человеку, даже если он занят очень важными делами, жить и действовать по-разному в этих двух средах, понимая, в чем и где ты как личность можешь выстраивать свою собственную жизнь, а где ради интересов самого дела, которому ты себя посвящаешь, жить по определенным правилам, но жить так, чтобы, следуя им, этим правилам, никому не позволять их нарушать.

И поэтому я думаю, что мой ответ на заданный вопрос соответствует тем мыслям, которыми руководствовался в своей жизни и своей жизнедеятельности Алексей Иванович Пискунов, и почему он для всех нас стал такой незабываемой личностью, по поведению и поступкам которой мы можем судить о времени, в котором он действовал и жил.

В заключение, наверное, не лишне вспомнить характеристику, данную Алексею Ивановичу Пискунову парторгом нашего института, хорошо, до малейших тонкостей знавшего требования, предъявляемые к каждому человеку в то время: «Удивительный человек Алексей Иванович. Я, хорошо зная людей на разных структурных этажах нашего общества, не могу понять, откуда в нем столько самоуверенности, самонадеянности и нескрываемой принципиальности. Ведь, насколько я могу судить, – говорит этот социально опытнейший человек, – за ним, образно говоря, никого нет. И кроме самого себя ему не на что и не на кого опереться». Я не стал тогда ему возражать, будучи не согласным с такой характеристикой Алексея Ивановича Пискунова, но не потому, что у меня не

нашлось этих возражений, а потому, что он всё равно бы ничего не понял. А мы-то с вами знаем, что источником этой самоуверенности и принципиальности была отечественная и мировая культура, и мы все, для кого этот человек так много значил в их личной жизни.